

Борис Михайлович Бим-Бад, Сергей Назипович Гавров

Семья в Советской России

Перейдем теперь к анализу эволюции/революции семьи и семейных отношений в период после Октябрьской революции 1917 года. Социокультурные изменения XX века отличались тотальным, всеобщим характером, распространяясь практически на все сферы человеческой жизни, включая систему ценностей, модели поведения, адаптационные стратегии личности, формы семьи, модели семейных отношений, гендерные роли мужчины и женщины.

Интенсивность динамики социокультурной среды превышала исторические аналоги, требуя новых адаптационных стратегий, превращая в «музейные экспонаты», бессмысленные на новых отрезках исторической динамики нормы, ценности, социальные позиции, модели повседневного существования. Для характеристики России как переходного общества вполне применим термин известного исследователя общества модерна У. Бека «*halbmoderne Gesellschaft*» – полусовременное общество [Бек, 2000: 234].

В связи с этим вполне уместным представляется и характеристика, данная российскому социуму А.С. Ахиезером. Существуют традиционные общества, которые пытаются сохранить основы традиционализма, веру в возможность жить по мифологическим циклам, пытаясь их сочетать с достижительными ценностями. К этим

странам можно было причислить и Россию, но с одной важной оговоркой. В России не сложились эффективные институты, способные обеспечить бесконфликтное сотрудничество, диалог между ценностями сообществ, ставших на путь модернизации традиционного типа, и ценностями идеологического общества, не выявилась достаточно развитая способность преодолевать исторически сложившийся в стране раскол между архаичной и достижительной культурами [Ахиезер, 2002: 116].

В постреволюционной, советской России/СССР огромные массы людей оказались затронуты процессом массовой маргинализации, заключавшемся преимущественно в утрате прошлого социального статуса и неопределенности статуса нынешнего, более или менее резком разрыве с социокультурной традицией, проявившемся, в том числе в отношении семьи, содержательного наполнения гендерных ролей и модели репродуктивного воспроизводства человека.

Социальный институт семьи в России в послереволюционный период претерпел существенные изменения. После Октябрьской революции 1917 года в России/СССР стали распространяться идеи женского равноправия, которые наиболее четко артикулировали две музы русской революции – Инесса Арманд и Александра Коллонтай [Коллонтай (урожд. Домонтович) Александра Михайловна (1872–1952)]. Советский дипломат, имела ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Член коммунистической партии с 1915 года. В 1917–1918 годах – нарком социального обеспечения. В 1920–1921 годах – заведом по работе среди женщин в ЦК РКП (б), затем в Исполкоме Коминтерна. Но под давлением более консервативной части советского и партийного руководства уже в 1921 г. А.М. Коллонтай была снята с должности заведом по работе среди женщин в ЦК РКП (б)]. Они говорили о браке как о любовном и товарищеском союзе двух равных членов коммунистического общества, свободных и одинаково независимых.

Коллонтай писала, «что современная семья утратила свои традиционные экономические функции, а это означает, что женщина вольна сама избирать себе партнеров в любви». В 1919 году вышел ее труд «Новая мораль и рабочий класс», основанный на сочинениях немецкой феминистки Греты Майзель-Гесс. Коллонтай утверждала, что женщина должна эмансипироваться не только экономически, но и психологически. Идеал «великой любви» («grand amour») трудно достижим, в особенности для мужчин, поскольку он входит в противоречие с их жизненными амбициями. Чтобы стать достойной идеала, личности следует пройти период ученичества, в виде «любовных игр» или «эротической дружбы», и освоить сексуальные отношения, свободные и от эмоциональной привязанности, и от идеи превосходства одной личности над другой.

Коллонтай полагала, что только свободные и, как правило, многочисленные связи могут дать женщине возможность сохранить свою индивидуальность в обществе, где господствуют мужчины (обществе патриархата). Приемлема любая форма сексуальных отношений, но предпочтительнее «последовательная моногамия», каждый раз основанная на любви или страсти смена брачных партнеров, серийных отношений мужчин и женщин.

В качестве наркома государственного призрения она устраивала общественные кухни как способ «отделить кухню от брака». Заботу о воспитании детей она тоже хотела возложить на общество. Она предрекала, что со временем семья отомрет, и женщины научатся заботиться о всех без разбора детях, как о своих собственных [Пайпс, 1997: 399-400].

Да и лидер РСДРП (б) и Советского государства В.И. Ленин, хотя и не разделял теорию и практику свободной любви, придавал большое значение обобществлению материальной стороны быта, созданию общественных столовых, яслей, детских садов, которые он называл «образчиками ростков коммунизма». Это «те простые, будничные,

ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной по ее роли в общественном производстве и общественной жизни».

Советское государство с первых дней своего существования приступило к активному реформированию гражданского законодательства, в том числе в части, регулирующей брачно-семейные отношения. Прежде всего из процесса этой регуляции была исключена Православная церковь. Так, уже в 1917 году «18 декабря отнята у церкви регистрация рождений и браков. 20 декабря введен гражданский брак как единственно имеющий юридическую силу» [Милюков, 1994: 209]. Хотя официально аборт не были узаконены, в первые три года Советское правительство относилось к ним достаточно терпимо. Поскольку эта операция часто производилась людьми неквалифицированными, в антисанитарных условиях, что приводило к тяжелым последствиям и летальным исходам, декрет от 18 ноября 1920 г. предписывал производить аборт под строгим медицинским контролем. Хотя к абортам был приклеен ярлык «пережитка прошлого», женщинам не возбранялось пойти на этот шаг, при условии, что операция будет производиться врачами в больничных условиях. Это был тоже первый закон такого рода [Пайпс, 1997: 398].

Говоря о новом законодательстве в области семьи и брака, В.И. Ленин подчеркивал его направленность на освобождение женщины и ребенка, на защиту их прав: «...законы (Советской России. – С.Г.) не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия» [Ленин, 210].

Обсуждение проекта нового кодекса законов о браке и семье в начале 20-х годов сопровождалось призывами к отмене любых форм

регистрации брака, в том числе и светской государственной регистрации: «Уничтожая суеверие необходимости церковного венчания для законности брака, нет надобности заменять его другим суеверием – необходимости облечения свободного союза женщины и мужчины в форму зарегистрированного брака» [Ножкина, 1924: 26].

Второй советский кодекс законов о браке, семье и опеке был принят в 1926 году. В целом кодекс продолжал либеральную традицию в сфере семьи и семейных отношений, сложившуюся в первые послереволюционные годы. Так, например, регистрация браков стала необязательной, поскольку кодекс признавал легитимными существующие фактические браки. При этом фактическим признавался брак, которому соответствовали следующие условия: «Факт совместного сожительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, а также, в зависимости от обстоятельств, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей и пр.» [О браке, семье и опеке, 1927: 25-26].

Заметим, что в первое десятилетие советской власти в нашу жизнь и соответственно в русский язык вошла гендерно ориентированная часть новояза, касающаяся, прежде всего, положения женщин и их участия в строительстве социализма/коммунизма. (Немного из гендерно ориентированного новояза советской эпохи: Женделегатка, и, ж. Делегатка-женщина, представительница какой-л. женской организации. Историзмами стали: политпросветчик, женделегатка; Женкомиссия, ии, ж. Комиссия женсовета; Женолп, а, м. Женский отдел лагерного пункта; женский отдельный лагерный пункт; Женорг, а, м. Женский организатор; Женотдел, а, м. Отдел в партийных органах, на предприятиях, в учреждениях, организующий пропагандистскую работу среди женщин. Женотделы созданы по указанию ЦК РКП (б) в декабре 1918 г. для воспитания работниц и

крестьянок в духе социализма; Женотделить, лю, лит, несов. Разг. Руководить женотделом; Женотделка, и, ж. Сотрудница, член женотдела; Женсовет, а, м. Орган общественной самодеятельности советских женщин. Женсоветы осуществляют контроль за соблюдением законодательства о правах женщин, охраны их труда и здоровья, материнства и детства. [Мокиенко, Никитина, 1998: 189] Это замечание важно, поскольку изменения в языке являются индикатором изменений в повседневной жизни.

Мы знаем, что марксистская идеология не содержит никаких доказательств в пользу сохранения семьи; скорее она приводит к противоположному выводу. В первые дни революции было распространено мнение, что семья – это не более как «буржуазный пережиток» и что процесс ее «устранения» неотвратим.

Так, крупнейший российско-американский социолог П.А. Сорокин в статье «О влиянии войны», опубликованной в журнале «Экономист» № 1 за 1922 год, представил следующие данные по состоянию петроградской семьи после революции 1917 года: «На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2% разводов – цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1% были продолжительностью менее одного года, 11% – менее одного месяца, 22% – менее двух месяцев, 41% – менее 3–6 месяцев и лишь 26% – свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят о том, что современный легальный брак – форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои аппетиты», чем вызвал неудовольствие В.И. Ленина [Ленин, 208].

Затем наступила столь сильная реакция, что посредством законодательства стало осуществляться гораздо более сильное принуждение граждан к выполнению своих семейных обязанностей, чем это имело место в большинстве стран Запада. Можно предположить, что возник некоторый комплекс сил, действующих в

этом направлении, что могло совпасть с политикой правящей верхушки [Парсонс, 2002: 247–248].

Институт семьи, пошатнувшись в 1920-е годы, когда в СССР были еще сознательные марксисты, а сам марксизм еще не прошел через полосу перерождений, на волне сталинского термидора уже в 1930-е годы не только полностью восстанавливает, но даже укрепляет свои позиции. В Советском Союзе не только не проявилось сколь-либо значимой тенденции к отмиранию государства, что должно было произойти согласно марксистской теории, но проявилась прямо противоположная тенденция к его укреплению. Уже в 30-е годы прошлого века советское государство сумело подняться в «предгорья» имперской организации и могущества, достигнув этих «вершин» уже после окончания Второй мировой войны [Гавров, 2004: 114].

Недаром во все времена, начиная с Античности, стабильные семейные отношения считались мощным политическим стабилизирующим фактором. Монархи и политические диктаторы, пытаясь консолидировать общество под своим руководством, взывали к семейным ценностям, сравнивая государство с одной большой семьей (и рассматривая себя как «отца нации» или «Большого Брата») [Олескин, 2001: 288].

В процессе установления сталинской диктатуры усилились политическая централизация и государственная ориентация на ускоренное строительство социализма. Жизнь граждан Советского Союза, как мужчин, так и женщин, контролировалась внеэкономическим принуждением к труду, политическими репрессиями, установлением жесткого контроля за сексуальным и репродуктивным поведением граждан страны. Но политика государственных репрессий в отношении семьи имеет лишь ограниченную эффективность. Так, знаменитый автор романа-антиутопии «1984» Дж. Оруэлл определил семью как «очаг верности

не партии, а друг другу» [Стариков, 1996: 2001]. Но и это правило содержит в себе определенный процент исключений; советские люди хорошо помнили о «подвиге» Павлика Морозова, который сделал выбор не в пользу семьи, но в пользу Советского государства.

Нацеленному на войну сталинскому руководству страны были нужны солдаты и бесплатная рабочая сила для осуществления «великих строек коммунизма», что, с одной стороны, предполагало сублимацию сексуальной энергии человека [Хабермас, 2003: 240-241]. (как известно, в СССР секса нет) и использование ее для нужд советского государства. С другой стороны, в своем идеальном состоянии советская женщина фертильного возраста рассматривалась и как многодетная мать, и как дешевая рабочая сила. Права женщин, как, впрочем, и права человека вообще, сталинский режим не беспокоили, и в 1930 году в стране были закрыты женотделы, И.В. Сталин объявил об окончательном разрешении женского вопроса. «Кульминации это достигло в 1936 г., когда был принят новый семейный кодекс, запрещающий аборт... государство стало бороться за укрепление семьи: “свободную любовь” заклеямили как антисоциалистическую» [Пайпс, 1997: 402].

Авторитарно-тоталитарный режим, укрепившийся в СССР во второй половине 30-х годов, во многом отбросил завоевания Октябрьской революции, как осознанно, так и неосознанно обратившись и растворившись в исторической толще российской социокультурной архаики. Совершив радикальный консервативный откат, сталинское руководство коммунистической партии и советского государства перешло к консервативной, охранительной политике в отношении семьи. Церковное венчание как обязательный элемент социокультурной легитимации, правда, не восстановили, но семью стали защищать на заседаниях парткомов и профкомов (Защищать почти дословно по советскому анекдоту: муж – подлец! Верните мужа!), в стране были запрещены аборт, практически

единственная тогда форма регулирования рождаемости и планирования советской семьи.

Получилось так, что совершивший консервативный откат сталинский СССР в своем законодательстве и практике повседневной жизни приобрел некоторые общие черты с аналогичными сферами в национал-социалистической Германии: «Как и в нацистской Германии, упор делался на воспитание здоровых и верных защитников отечества» [Пайпс, 1997: 402].

И эти общие черты, разумеется в рамках рассматриваемой нами проблематики, мы можем продемонстрировать, в частности, процитировав отрывок из статьи, опубликованной 14 октября 1931 года в ежедневной национал-социалистической газете «Фолькишер Беобахтер» («Народный обозреватель»): «Сохранение уже существующих больших семей определяется социальным чувством, сохранение формы большой семьи определяется биологической концепцией и национальным характером. Большую семью необходимо сохранять... потому что она является важной и необходимой частью немецкого народа.

Большая семья важна и необходима не только потому, что только она может обеспечить сохранение населения в будущем, но еще и потому, что национальная мораль и национальная культура находят в ней самую сильную поддержку. Сохранение существующих больших семей и сохранение формы большой семьи суть две нераздельные проблемы. Сохранение формы большой семьи диктуется национальной, культурной и политической необходимостью... Прекращение беременности противоречит смыслу существования семьи, чья задача заключается в воспитании будущего поколения. Кроме того, прекращение беременности приведет к окончательному уничтожению большой семьи» [Райх, 1997: 123-124].

В этом отрывке мы видим обоснование того, почему национал-социалисты должны защищать патриархальную семью, и это общее

обоснование консерваторов в разных странах. Ведь именно в ней будущее Германии (название страны можно менять произвольно, суть останется прежней), будущее – в прошлом, вот главный неформальный лозунг немецкой, русской, французской, любой другой консервативной революции.

В те же 30-е годы XX века талантливый русский философ религиозного, по определению консервативного, охранительного направления, П.А. Флоренский, говоря о будущем России, также видел его идеал в прошлом, и не в индивиде, но в семье: «Прежде всего требуется оздоровить семью. Вопреки взглядам, составляющим задний фон многих высказываний современности, общество складывается не из индивидов-атомов, а из семей-молекул. Единица общества есть семья, а не индивид, и здоровое общество предполагает здоровую семью. Распадающаяся семья заражает и общество. Государство должно обязательно (создать) наиболее благоприятные условия для прочности семьи, для (прочности) должна быть развита система мер, поощряющих крепкую семейственность. В качестве требуемых мер может быть проведен налог на холостяков в соответственный фонд каких-либо поощрительных мероприятий» [Флоренский, 1996: 670].

Мы полагаем, что проявления консервативного начала в сфере семьи и семейных отношений генеалогически восходят к глубокой древности, опираясь на могущество авторитарной социокультурной традиции, в рамках которой семья была агентом и продолжением государства/власти: «Авторитарная семья служит важнейшим источником воспроизведения всех видов реакционного мышления. По существу, она представляет собой своего рода предприятие по производству реакционных структур и идеологий. Поэтому первая заповедь любой реакционной политики в области культуры заключается в “защите семьи”, а именно большой авторитарной

семьи. В принципе именно такой смысл таит в себе формулировка “защита государства, культуры и цивилизации” [Райх, 1997: 83].

В истории наблюдается общая закономерность: чем более агрессивен данный политический режим, этнос, нация – тем в большей мере он приветствует и поддерживает большую патриархальную семью. Как только страна становится демократической, радикально повышается уровень жизни, так большая патриархальная семья становится исчезающим историческим анахронизмом. Абсолютно наглядным является сравнение семьи, семейных отношений и уровня рождаемости в национал-социалистическом Третьем рейхе и демократической ФРГ. Немцы стали в большей мере думать о своих личных интересах, а не об интересах нации, стали скорее гедонистами, а не милитаристами, одной из самых свободных в отношениях между полами страной в Европе. Сегодняшняя «реальность скачкообразно возросшего числа «незарегистрированных браков» (вероятно) далеко превосходит данные официальной статистики браков и разводов. По оценкам, в ФРГ ныне живут в незарегистрированном браке примерно 1–1,5 млн. человек [Бек, 2000: 149].

Но о немецкой семье мы еще поговорим в нашем следующем параграфе, сейчас же вернемся к эволюции советской семьи и семейных отношений в контексте нашей не столь далекой истории. Возвращение к некоторым элементам революционной политики 20-х годов мы видим уже после смерти И.В. Сталина в 1953 году. Н.С. Хрущев инициировал реформы, которые, в частности, привели к открытию большего количества новых школ, детских садов и к увеличению выплачиваемых государством субсидий на детей, в стране были вновь легализованы аборт.

Эти меры государственной поддержки человека, принимаемые вне зависимости от его семейного положения, в том числе и поддержка так называемых неполных семей, улучшение медицинского

обслуживания и усиление социальной защиты, в том числе постепенное распространение пенсионной системы на крестьян-колхозников, вкупе с вовлечением в производственную сферу, науку, образование, здравоохранение огромного количества женщин – подорвали экономические и социальные функции патриархальной семьи в РСФСР.

И это начавшееся освобождение от груза авторитарно-патриархальной социокультурной традиции куда более длительной, чем несколько десятилетий советской власти, было воспринято советскими людьми вполне позитивно. Вспоминая атмосферу, царившую в советском обществе в 60-е годы XX века, П. Вайль и А. Генис обобщают свои воспоминания следующим образом: «Родина была абсолютно прекрасна. У нее не было пороков. Вся она была, как старший брат, как отец, как мать, как одна большая семья. И своя, личная, семья казалась всего лишь филиалом общегосударственного единства» [Вайль, Генис, 2001: 113]. По большому счету это и был тот желаемый результат, к которому стремилось советское руководство со времен Октябрьской революции.

Кратко рассмотрев эволюцию семьи, нравов, демографических особенностей в Советской России, подведем теперь некоторые итоги. В результате революционных преобразований советской эпохи были решены некоторые проблемы, стоявшие перед Россией, проведены индустриализация, урбанизация, совершен переход от патриархальной к эгалитарной семье, в том числе и демографический переход, достигнут невероятный прогресс в обеспечении всеобщей грамотности, медицине, социальной сфере вообще. Но цена революционного пути для страны оказалась невероятно высокой, свершения в своей основе амбивалентны, достигнуты на основе мобилизации, перенапряжения всех жизненных сил общества, что во многом предопределило цивилизационный слом постсоветской эпохи.

- [1] Ахиезер, А.С. 2002. Социокультурные механизмы циклов культуры, Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука.
- [2] Бек, У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну, Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- [3] Беляева, М.М., Костина, К.В., Петренко, Е.Л. и др. 2003. М.: Весь Мир.
- [4] Вайль, П. 2001. Генис А. 60-е. Мир советского человека. 3-е изд. М.: Новое лит. обозрение.
- [5] Гавров, С.Н. 2004. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты российской модернизации. М.: Эдиториал УРСС.
- [6] Ленин, В.И. О значении воинствующего материализма, Сочинения В.И. Ленина, изд. 4-е. Т. 33. М.: Политиздат.
- [7] Милюков, П.Н. 1994. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. – Т. 2, ч. 1. М.: Прогресс-Культура.
- [8] Мокиенко, В.М. 1998. Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: СПбГос. университет, Фолио-Пресс.
- [9] Ножкина, Н.А. 1924. По поводу проекта нового кодекса законов о браке, семье и опеке, Коммунистка. № 4.
- [10] О браке, семье и опеке. М., 1927.
- [11] Олескин, А.В. 2001. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М.: ЦОП ИФРАН.
- [12] Пайпс, Р. 1997. Россия при большевиках, Пер. с англ. Н.И. Кигай, М.Д. Тименчика. М.: РОССПЭН.
- [13] Пайпс, Р. 1997. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН.
- [14] Парсонс, Т. 2002. Социальная система, О социальных системах, Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой, Г. Беляевой, В. Герчикова, Н. Осиповой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект.
- [15] Райх, В. 1997. Психология масс и фашизм, Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб.: Университетская книга. М.: АСТ.
- [16] Стариков, Е.Н. 1996. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- [17] Флоренский, П.А. 1996. Предполагаемое государственное устройство в будущем, Сочинения: В 4 т. Т. 2, Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль.